

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

9 января.

6 января, во время традиционной процессии крещения, когда его величество со всем духовенством и блестящею свитою вошел в беседку присутствовать на освящении воды митрополитом и когда, после этого священного акта, традиционно с Петропавловской крепости, находящейся против беседки, на другой стороне Невы, начали стрелять орудия, то оказалось, что одно из орудий было заряжено не холостым зарядом, а боевым, хотя и весьма устарелым, тем не менее, если бы этот снаряд попал в беседку, то он мог бы произвести большую катастрофу.

Из расследования потом оказалось, что это был простой промах, простая случайность, и государь император отнесся к лицам, допустившим этот промах, эту случайность, — крайне милостиво, как вообще государь всегда относится к военным. К этому сословию его величество особенно милостив, особенно добр.

Тем не менее, случай этот во многих слоях общества трактовался как покушение, если не на царскую жизнь, то на царское спокойствие.

Не прошло после этого и трех дней, а именно 9 января произошло известное шествие рабочих под главенством священника Гапона.

Я ранее имел случай говорить о тех полицейских организациях рабочих, которые ввел покойный Плеве и которые получили наименование «зубатовщины». Тогда же я рассказывал о приглашении в руководители рабочих священника Гапона, к которому Плеве питал полное доверие.

Это доверие к полицейским рабочим организациям после ссылки во Владимир Зубатова и убийства Плеве сохранилось у тогдашнего градоначальника генерала Фулона.

Генерал Фулон заменил градоначальника генерала Клейгельса, который был сделан его величеством генерал-адъютантом и отправлен в Киев занять место генерал-губернатора после ухода генерала Драгомирова.

Назначение Клейгельса генерал-губернатором в Киеве очень всех удивило, ибо хотя Клейгельс и был недурной градоначальник, по крайней мере не хуже других, которые были ранее его, например, генерала фон-Валя, и, несомненно, лучше бывших после него, а в том числе и нынешнего градоначальника Драчевского, но, тем не менее, он представлял собой человека весьма ограниченного, малокультурного и гораздо более знающего природу жеребцов, нежели природу людей. Но, как человек, — Клейгельс был недурной и довольно комичный, комичный своею важностью. В молодости, вероятно, он был красивый гренадер, и, будучи градоначальником, хотя в то время он был уже в пожилых летах, — он всегда держал себя с сознанием своей красоты, и именно красоты гренадерской, связанной с внешним величием. При чем, когда он начинал говорить, то говорил с расстановкой крайне возвышенными словами, часто иностранного происхождения.

Очень часто Клейгельс начинал разговор с сакраментальной фразы: «хотя я человек известных форм, но...» и т. д. — далее идет какая-нибудь мысль.

Таким образом большинство петербуржцев знало, о ком идет речь, если кто-нибудь произносил фразу: «хотя я человек известных форм» — значит, разговор идет о Клейгельсе.

Кстати сказать, Клейгельс, сделавшись генерал-губернатором в Киеве, во время своего довольно кратковременного генерал-губернаторства ничего ни дурного, ни хорошего не сделал, и местным населением, если не был любим, то и не был ненавидим. Но перед самым 17 октября, когда революция разразилась во всю, когда я вступил на пост председателя совета министров и в Киеве появились громадные беспорядки, Клейгельс как бы исчез со сцены и затем был уволен с должности генерал-губернатора и на место генерал-губернатора был назначен нынешний военный министр Сухомлинов, бывший тогда командующий войсками в Киеве (кстати сказать, он как перед 17 октября, так и после 17 октября не был в Киеве, а был за границей).

На место Клейгельса петербургским градоначальником был назначен генерал Фулон, который был начальником жандармов в Царстве Польском.

Генерал Фулон, несомненно, по существу порядочный во всех отношениях человек, крайне воспитанный, милый, но, конечно, совершенно чуждый и полицейскому духу, полицейским приемам и полицейскому характеру. Он был бы гораздо более на своем месте, если бы, например, он заведывал петербург

скими институтами. Вследствие такого своего характера, Фулон вполне доверился Гапону и той полицейской организации, которую Гапон должен был устроить с полицейскими целями и которая, затем, преобразилась в демонстрирующую силу.

Как я предсказывал при начале организации зубатовщины, все эти организации, делаемые с целью держать рабочих в полицейских руках, хотя бы при помощи несправедливого отношения к интересам капиталистов, должны привести в известный момент к тому, что эти организации стряхнут с себя полицейское направление и воспримут в той или другой мере социалистические принципы борьбы с капиталом, борьбы не только мирным путем, но и силой и, в этом смысле, представят значительную общественную опасность.

Когда, еще в 1903 г., началось смутное революционное брожение как на верхах, так и внизу, то, конечно, все рабочие организации, прежде всего, восприняли революционный дух и революционное настроение.

Поп Гапон, если бы и хотел, то не мог бы удержать этого течения; но ему и не было никакого расчета удерживать, ибо, как я уже говорил, в то время все, или во всяком случае большинство, спятили с ума, требуя полного переустройства Российской империи на крайне демократических началах народного представительства.

Если в то время таких идей держались Меншиков и князь Мещерский, ныне ежедневно пишущие самые удивительные реакционные статьи совершенно зоологического характера, то что же удивительного, что не устоял и бедный поп Гапон.

За несколько дней до 9 января было известно, что рабочие готовят петицию государю императору, в которой они предъявляют различные не то просьбы, не то требования, касающиеся их бытия. Конечно, требования эти были крайне односторонни, преувеличены и не без известного оттенка революционизма, хотя они и были написаны в довольно приличной форме.

И вот Гапон должен был повести всех этих рабочих, многие тысячи человек, на Дворцовую площадь — бить челом государю императору, при чем они представляли себе, что увидят его величество, вручат ему эту просьбу и затем спокойно удалятся.

Было бы это так или нет — я утверждать не берусь, но полагаю, что если бы я был во главе правительства, то я не посоветовал бы государю выйти к этой толпе и принять от них прощение, но, с другой стороны, вероятно, я бы дал совет, чтобы его величество уполномочил или главу правительства или одного из генерал-адъютантов взять это прощение и предложить рабочим

разойтись, предупредив, что прошение это будет рассмотрено, и по нему последуют те или другие распоряжения. Если же рабочие не разошлись бы, то, конечно, я употребил бы против них силу.

Но дело разыгралось иначе.

Все это движение было для градоначальника Фулона совершенно неожиданностью; он относился к Гапону и ко всем его организациям крайне благодушно и уверял министра внутренних дел, что ничего серьезного произойти не может.

Сам Гапон, как оказывается, пытался видаться с министром юстиции и с министром внутренних дел; виделся ли он с ними или нет, я не знаю, но, во всяком случае, копия петиции, которую они предполагали подать, была им передана. Точно так же и я получил у себя на дому, будучи председателем комитета министров, копию этой петиции.

Так как шествие рабочих было назначено на 9 января, то 8-го у министра внутренних дел было заседание по вопросу о том, как надлежит поступить.

* 8 января я видел министра юстиции, который, расставаясь со мной, мне сказал:

— Сегодня вечером увидимся.

Я спросил:

— Где?

Он ответил:

— У Мирского, там будет совещание о том, как поступить завтра с рабочими, которые под предводительством Гапона решили явиться на Дворцовую площадь и просить государя принять от них петицию.

Я на это ему сказал:

— Я никакого приглашения не получил.

Он ответил:

— Наверное получите. Я в особенности указывал Мирскому на необходимость вас пригласить, так как вы так близко знаете рабочий вопрос, всю жизнь имея с ним соприкосновение.

Никакого приглашения я не получил и, как мне передавали впоследствии, потому, что Коковцов просил Мирского не приглашать меня ¹⁾. Вечером 8-го ко мне вдруг явилась депутация переговорить по поводу дела чрезвычайной важности. Я ее принял. Между ними я не нашел ни одного знакомого. Из них по портретам я узнал почетного академика Арсеньева, писателя Анненского, Максима Горького, а других не узнал. Они начали мне говорить, что я должен, чтобы избежать великого несчастья, принять меры, чтобы государь явился к рабочим и принял их.

¹⁾ В. Н. Коковцов будто бы сказал, что меня не следует приглашать, так как я, несомненно, буду поддерживать интересы рабочих.

петицию, иначе произойдут кровопролития. Я им ответил, что дела этого совсем не знаю и потому вмешиваться в него не могу; кроме того до меня, как председателя комитета министров, совсем не относится. Они ушли недовольные, говоря, что в такое время я привожу формальные доводы и уклоняюсь.

Как только они ушли, я по телефону передал Мирскому об этом инциденте *.

Утром 9 января, как только я встал, я увидел, что на улице по Каменноостровскому проспекту шла большая толпа рабочих с хоругвями, образами и флагами; между ними много женщин и детей, а кроме того много из любопытных.

Как только эта толпа, или вернее процессия, прошла, я поднялся к себе на балкон, с которого виден Троицкий мост, куда рабочие направлялись.

Не успел я подняться на балкон, как услышал выстрел, и мимо меня пролетело несколько пуль, а затем последовал систематический ряд выстрелов. Не прошло и десяти минут, как значительная толпа народа хлынула обратно по Каменноостровскому проспекту, при чем многие несли раненых и убитых, взрослых и детей.

Оказалось, что на основании совещания, которое происходило 8 января вечером, было решено, чтобы рабочих манифестантов, или эти толпы рабочих, не допускать далее известных пределов, находящихся близ Дворцовой площади. Таким образом демонстрация рабочих допускалась вплоть до самой площади; но на нее вступать рабочим не дозволялось. Поэтому, когда они подходили к площади (это было около Троицкого моста), то их встречали войска: военные требовали от рабочих, чтобы они далее не шли или возвращались обратно, предупредив, что если они сейчас не возвратятся, то в них будут стрелять. Так было поступлено везде. Рабочих предупредили, они не верили, что в них будут стрелять, и не удалились. Всюду последовали выстрелы, залпы, и таким образом были убиты и ранены, насколько я помню, больше 200 человек.

Это событие, конечно, послужило орудием для лиц, ведших смуту и революцию, для еще большего возмущения народа. Вся эту историю саму по себе неприятную и, по моему мнению, весьма неискусно направленную, конечно, еще взмылили так, что начали рассказывать уже по всей России о том, что были убиты тысячи людей и только из-за того, что они хотели подать своему государю петицию относительно их тяжелого положения. Но даже между благоразумными людьми эта история произвела очень дурное впечатление.

После этой катастрофы Гапон скрылся, бежал.

Это была первая кровь, пролитая в довольно обильном количестве, которая как бы напутствовала к широкому течению, так называемую, русскую революцию 1905 г.

Эта Гапоновская катастрофа произвела смуту не только в обществе, но и в рядах правительства. Все начали критиковать министра внутренних дел, князя Святополк-Мирского, обвиняя его в слабости. Я, с своей стороны, при всей дружбе и уважении к князю Святополк-Мирскому, конечно, не мог не признать, что в этом деле он показал себя слабым, доверившись человеку еще более слабому, нежели он — градоначальнику генералу Фулону, который, между прочим, был назначен градоначальником по рекомендации дворцового коменданта Гессе; первое время к нему весьма благосклонно относился и государь император.

Как я уже говорил, 1 января ушел московский генерал-губернатор, поэтому, конечно, не мог оставаться на своем посту и обер-полицеймейстер генерал Трепов, который, в сущности, и представлял собою московского генерал-губернатора.

Трепов сделал это довольно демонстративно, объяснив свой уход тем, что он не может служить с князем Святополк-Мирским, потому что совсем не разделяет его направления.

Трепов решил ехать на Дальний Восток, на войну, и просил дать ему хотя бы бригаду. Но, тем не менее, ранее чем поехать туда, он заехал в Петербург, а так как он, с одной стороны, был офицер конного полка и был в большой связи с конным полком, а с другой стороны, конный полк являлся самым влиятельным в последнее десятилетие, ибо министр двора барон Фредерикс, а вследствие этого и все высшие чины министерства двора также были из конного полка, то, конечно, генерал Трепов нашел пути к тому, чтобы объяснить, что такого человека, как он, такого твердого, решительного и верного, на которого можно положиться, отпускать в такое смутное время не следует, что именно ему следует поручить борьбу со смутой, революцией и крамолой, и тогда он покажет, «где раки зимуют».

Поэтому, вместо того, чтобы ехать из Петербурга на Дальний Восток, по рекомендации и настоянию министра двора, бывшего командира конного полка, барона Фредерикса, и при поддержке всех своих товарищей, офицеров конного полка, Трепов получил назначение: 11 января, через три дня после Гапоновской катастрофы, было учреждено с.-петербургское генерал-губернаторство, и на должность с.-петербургского генерал-губернатора был назначен генерал-майор Трепов, который к тому же еще поселился в одном из отделений Зимнего дворца.

Конечно, при таком обороте дел князь Святополк-Мирский не мог оставаться министром внутренних дел, и, таким образом, через неделю после назначения Трепова, а именно 18 января он был уволен с этого поста.

Говорят, что когда князь Святополк-Мирский увольнялся, то ему было предложено занять пост кавказского главноначальствующего; пост этот в то время был вакантен, вследствие увольнения князя Голицына, но, затем, к этому вопросу никогда более уже не возвращались. Князь Святополк-Мирский считал, что этот пост ему обещан, он туда должен ехать, но никто ему об этом более не упоминал. Князь Мирский и до настоящего времени состоит лишь генерал-адъютантом его величества. Он ведет светскую жизнь и никакими политическими делами не занимается; никогда, ни в какой мере, ни при каких обстоятельствах не кривит душой; никогда ни о каких делах не говорит, никогда ничего не рассказывает, но если просят его мнения, то князь Мирский высказывается так, как он высказывался, будучи министром внутренних дел и ранее, когда он еще не был министром.

* Перед моим выездом за границу в июне месяце сего (1907) года я как-то говорил с Мирским о печальном, если не ужасном положении дел. Он мне сказал, что все приключившиеся несчастья основаны на характере государя. Государь, которому ни в чем нельзя верить, ибо то, что сегодня он одобряет, завтра от этого отказывается, не может установить в империи спокойствие. Когда Мирский уходил и представлялся, с ним были очень ласковы, хотя не сделали его членом Государственного Совета, а как только он уехал, на него посыпались всякие нарекания. Оказалось, что он виновен во всяких беспорядках, что он есть начало революции, что как только он произнес, что хочет управлять, доверяя России, — все пропало. Конечно, крайние черносотенные газеты объявили, что он поляк, изменник и друг жидов. Одним словом, на него полились без удержу все зловонные отбросы всех российских помойных ям, наполняющих умы, сердца и совесть так называемых «истинно-русских» людей, находящихся под главенством мелкого мошенника Дубровина. Мирский около года был в деревне и за границу; когда в августе 1906 г. он вернулся в Петербург, то, как генерал-адъютант, желал представиться государю и императрице. Его не захотели принять. Он подал в отставку. Тогда в этот инцидент вмешался барон Фредерикс (министр двора) и Столыпин. Мирского приняли. Как водится, были очень любезны, и, как будто, ничего никогда не было *.

С уходом князя Святополк-Мирского министром внутренних дел и, в сущности говоря, до известной степени даже диктатором

явился новый генерал-губернатор Трепов, ибо петербургский генерал-губернатор с особыми полномочиями, имеющий полное доверие самодержавного монарха и ни с кем, кроме государя императора, не считающийся — сам по себе уже является, если не по форме, то по существу диктатором.

Поэтому, конечно, от Трепова зависело, кого он выберет на пост министра внутренних дел. Он рекомендовал Булыгина, заменявшего в Москве великого князя Сергея Александровича, а ранее бывшего помощником московского генерал-губернатора.

Булыгин представлял собою человека в высокой степени порядочного, честного, благородного, очень неглупого, человека с довольно обширными государственными познаниями, но по характеру и натуре человека благодушного, не любящего ни особенно трудного положения, ни борьбы, ни политической суеты.

Именно такой человек был самым подходящим для Трепова. Будучи министром внутренних дел, он, в сущности говоря, вел лишь только вопросы спокойные, а все вопросы беспокойные, которые и составляли, в то время, всю суть положения дела, велись или самим Треповым или под его влиянием на самого Булыгина и, в особенности, на его величество.

Вследствие этого, несмотря на то, что Булыгин был, можно сказать, назначен Треповым, он все-таки не мог с ним ужиться и в течение почти всего этого времени Булыгин, если и не ссорился постоянно с Треповым, то, во всяком случае, и не сходился с ним ¹⁾. Так что Трепов вел свою линию особо, и Булыгин тоже вел особо свою линию. Булыгин, как человек безусловно честный, благородный, а также спокойный, конечно, не мог следовать по пути Трепова, по тому пути, который отличался полными неожиданностями в решениях, неожиданностями, соответствующими некультурности и невежеству этого гвардейского офицера.

* Почему именно Трепов был назначен? Во-первых, потому, что раз пал престиж Мирского, то естественно в уме государя явилась мысль назначить лицо противоположных воззрений, а эти воззрения у Трепова казались противоположными потому, что Трепов резко государю критиковал Мирского. Такая система действия соответствует натуре государя постоянно качаться то в одно направление, то в другое. Вся система государя это, если можно так выразиться, есть качание на политических качелях. Теперь государь качается на качелях, на одной стороне которой находится, кажется, порядочный, но недалекий Столыпин, а на другой негодяй, тип лейб-кабатчика — Дубровин. Во-вторых, потому что Трепов по наружности своей представлял бравого генерала с страшными глазами, но главное, он был из

¹⁾ До 17 октября, когда я вступил председателем совета министров, а Булыгин и Трепов должны были уйти.

конной гвардии, а так как Фредерикс сам был в конной гвардии и командовал этим полком, то для него высшей аттестацией человека было то, что сей человек служил в конной гвардии, особенно в то время, когда Фредерикс был ее командиром. Когда Трепов стал генерал-губернатором, то он возымел благую мысль уничтожить ужасное впечатление, произведенное на рабочих 9 января. Но соответственно своим полицейским воззрениям для сего выдумал такой способ.

Поузнавши от фабрикантов имена таких рабочих, на которых можно было вполне положиться, которых можно было даже сделать сыщиками по самым важным политическим делам, он неожиданно взял десяток таких человек, повез их в Царское Село и представил государю, как представителей петербургских рабочих. Рабочие эти засвидетельствовали государю свои верноподданнические чувства, а его величество сказал им заранее приготовленную речь о том, что он знает их нужды и сделает для них все возможное; затем их накормили завтраком и отвезли обратно в Петербург. Конечно, на рабочих такая манифестация не произвела никакого впечатления, а в некоторых фабриках так встретили представителей, ездивших в Царское Село, что они должны были оттуда удалиться *.

Точно также 21 января государю представлялась депутация от экспедиции заготовления государственных бумаг. Эта депутация была более подлинная, и она произвела некоторое впечатление на умеренных рабочих экспедиции.

* Таким образом явилось два министра внутренних дел, или, вернее, был министр внутренних дел и диктатор. Права Трепова, совершенно диктаторские, истекали из положения о генерал-губернаторстве и товарища министра внутренних дел по полиции, но, главным образом, от особых личных отношений, которые были созданы. Трепов пользовался особым расположением сестры императрицы великой княгини Елизаветы Феодоровны, весьма почтенной и премного несчастной женщины. Расположение это естественно истекало из того, что Трепов был ближайшим сотрудником-руководителем ее мужа великого князя Сергея Александровича, так ужасно погибшего, и именно вскоре после того, как Трепов оставил пост московского обер-полицеймейстера. Это свое расположение она внушила своей сестре императрице.

Благовождение императрицы уже одно было достаточно, чтобы государь оказывал Трепову свое благоволение и доверие, а по натуре государя эти чувства его к Трепову должны были высказаться преувеличенно уже потому, что Трепов находился в медовых месяцах своих отношений к его величеству. Затем

Трепов внушал доверие своею бравою наружностью, страшными глазами, резкою прямою своею солдатскою речью. Речь эта, несомненно, всегда была искренняя и ясная по своей простоте, ибо для лица политически невежественного все кажется просто и ясно. Государю также любы в политических вопросах ясность и прямолинейность, истины, чуждые всяких «интеллигентных» выдумок.

Трепов был ставленник министра двора Фредерикса, который искренне верил, что только такой бравый конногвардеец, как Трепов, и представляет собой того человека, который может водворить дисциплину не только в действиях, но и помыслах всех русских обывателей. Сам Фредерикс по части понимания дел был совсем плох, ему трудно было усвоить не только рассуждения, но и самые простые факты. Его сотрудники его подучивали как школьника перед всяким всеподданнейшим докладом. Он, конечно, сам по себе не мог разобраться в том, правильны или неправильны те или другие действия и предположения Трепова, но у Фредерикса был директор канцелярии генерал свиты его величества, конногвардеец Мосолов, женатый на сестре Трепова, человек смысленный, он всегда мог убедить и внушить Фредериксу все, что Трепов желал. Помощник, ныне начальник походной канцелярии государя князь Орлов, ближайший сотрудник императрицы, добровольный шофер автомобилей, возящих государя и государыню, милый человек, но вместе с тем ничтожный деятель во всяких делах, и несмотря на это интимный советник или наушник в особых случаях — тоже конногвардеец. Все эти люди были на побегушках у Трепова в царских покоях.

Трепов в сущности держал вполне государя, чуть ли не ежедневно писал ему доклады по всяким делам и давал советы, как по внутренним, так и внешним событиям. Одним словом, будучи товарищем министра внутренних дел, он был в то же время диктатором и при этом диктаторе в сущности и была подготовлена вся активная революция, вышедшая из берегов с сентября 1905 г. Трепов не только ее не предупредил, но когда она начала выходить наружу, то после 17 октября оставил поле брани, совсем растерявшись. Очевидно, что с таким товарищем в деловом отношении Булыгин не мог ладить. Он и не ладил, но, так как государь его не отпускал, то спокойно сидел, узнавая о различных новостях по внутренней политике из газет и занимаясь некоторыми особыми делами, главным образом, текущими хозяйственно-административными и составлением проекта о Думе 6 августа.

Конечно, нужно обладать всею апатичностью, которою обладал Булыгин, чтобы переносить такое положение. Он его мужественно переносил, и, когда к нему обращались с вопросом, как

то или другое произошло, он хладнокровно отвечал: «не знаю, мне об этом еще не говорили», или—«я сам это только прочел сегодня в газетах».

Князь Урусов, бывший товарищ министра внутренних дел в моем кабинете, а затем член первой Государственной Думы, определил Трепова в одной из своих речей, сделавшей много шуму и которую для князя Урусова было бы достойнее не произносить, такую фразу: «Вахмистр по воспитанию и погромщик по убеждению». Вообще трудно определить политического деятеля, да и вообще человека, одною фразою.

Человек существо крайне сложное, не только фразою, но целыми страницами определить его трудно. Нет такого негодяя, который когда-либо не помыслил и даже не сделал чего-либо хорошего. Нет также такого честнейшего и благороднейшего человека (конечно, не святого), который когда-либо дурно не помыслил и даже при известном течении обстоятельств не сделал гадости. Нет также и дурака, который когда-либо не сказал и даже не сделал чего-либо умного, и нет такого умного, который когда-либо не сказал и не сделал чего-либо глупого.

Чтобы определить человека, надо написать роман его жизни, а потому всякое определение человека это только штрихи, в отдаленной степени определяющие его фигуру. Для лиц, знающих человека, эти штрихи бывают достаточными, ибо остальное восстанавливается собственным воображением и знанием, а для лиц, не знающих — штрихи дают очень отдаленное, а иногда и совершенно неправильное представление. Трепов был «вахмистр по воспитанию». Это верно, и в этом заключалась его беда и беда России. Когда он учился в пажеском корпусе, вероятно, в своей жизни не прочел толково ни одной серьезной книги, все его образование и воспитание прошли в конногвардейских казармах и офицерском собрании и преимущественно в первых, так как он был серьезный фронтовик и добросовестный офицер, что, конечно, не принесло ему ущерба.

С политической жизнью он столкнулся в первый раз, будучи назначен ~~московским~~ обер-полицеймейстером, и отнесся к ней, как обер-полицеймейстер. Ему, как всякому невежде, все сначала казалось очень просто: бунтуют — бей их; рассуждают, вольнодумствуют, значит надо приструнить. Рабочие пошли в революцию, значит стоит только сделаться полицейским революционером, и рабочие пойдут за ним. Никакой сложности явлений нет, все это выдумки интеллигентов, жидов и франкмасонов. Иди по пути своего собственного разума и дойдешь до... помойной ямы.

«Погромщик по убеждению» это уже не совсем точно. Трепов не был погромщик по любви к сему искусству, но он не исключал сего средства из своего политического репертуара и по

убеждению прибегал к нему, или, вернее, был не прочь к нему прибегать, когда считал сие необходимым для защиты основ государственности, так как основы эти ему представлялись, как «вахмистру по воспитанию». С легким сердцем он относился только к погромам «жидов»; а разве он один так относился к сей кровавой политической забаве? А Плеве разве был против того, чтобы в Кишиневе, Гомеле и вообще хорошо проучили жидов? А графы Игнатьевы разве не питали те же чувства? А разве вся черносотенная организация, так называемый союз русских людей, не проповедует открыто избиение жидов, а ведь государь призывал нас всех стать под знамена этой партии бешеных юродивых!!.

Когда мне самому приходилось государю указывать на недопустимость подобных действий, государь или молчал, или говорил: «но ведь они, т.-е. жидаы, сами виноваты». Это течение шло не снизу вверх, а наоборот, но только, конечно, по мере нисхождениа принимало другие формы и другой объем.

Урусов, а затем Лопухин, разоблачили травлю евреев посредством прокламаций из департамента полиции. Их рассказы немного преувеличены, но в сущности верны. Организация эта была сделана во всяком случае с ведома Трепова, и когда я, будучи председателем совета министров, узнавши о ней, ее уничтожил, доложив обо всем государю, то не могу сказать, чтобы его величество этим открытием сколько бы то ни было удивился и возмутился. Все-таки несомненно то, что Трепов был честный и порядочный человек. Меня нельзя заподозрить в пристрастии к нему, потому что я с ним не имел ничего общего, он был мой враг и был едва ли не главным элементом в числе других, поставивших меня почти в безвыходное положение после 17 октября.

Трепов, став диктатором, сделался политическим вахмистром-Гамлетом. С одной стороны, по воспитанию, он признавал только «руки по швам», а с другой, сталкиваясь с бурными волнами разгулявшегося русского океана, он чувствовал, что этим не возьмешь, а потому, не имея никакого политического созерцания, образования, воспитания, он временно выражал самые противоположные воззрения и кидался в самые противоположные крайности. С одной стороны, например, в комитете министров он настаивал на самых решительных мерах не только против студентов, но и против всего учебного персонала, и одновременно проводил мнение, что нужно закрывать все высшие учебные заведения, предоставив содержание их частной инициативе и частным лицам.

Он стоял за неограниченное самодержавие, но, когда обсуждал проект Булыгинской Думы, выражал, а иногда и настаивал на положениях совершенно левых. Издав в октябрьские дни приказ по войскам «патронов не жалеть», через несколько дней

он высказывался за широкую амнистию. Считая, что нужно выгнать всех профессоров и студентов, он затем дал инициативу и настоял на предоставлении всем высшим учебным заведениям широкой и неопределенной автономии.

Эти меры открыли двери революции и повели к 17 октября. После 17 октября, совсем растерявшись, он оставил пост товарища министра внутренних дел, сделавшись — опять по совету барона Фредерикса — дворцовым комендантом и, в сущности, самым интимным и сильным советчиком государя, так что я должен был нести всю ответственность, а он управлять при помощи П. Н. Дурново.

Когда я не счел возможным играть роль соломенного чучела на огороде и ушел, то не без его совета был составлен и новый кабинет оловянного чиновника, отличающегося от тысячи подобных своими большими баками, Горемыкина. Но уже через неделю Горемыкин начал жаловаться на то, что Трепов ему все портит. Также не без влияния Трепова Горемыкин был уволен. Вместо него был назначен Столыпин, который ясно сознал, что с Треповым управлять нельзя. Столыпину повезло. Трепова «*l'ine de miel*» начала проходить, а тут Трепов по обыкновению от пароля «хорошенько их» кинулся в другую сторону; ему пришло на мысль применить теорию «зубатовщины» к кадетам, и так как он в Москве вздумал привлечь на свою сторону рабочих, влезши в их среду, так же он задумал сделать и с кадетами. Он дал в этом смысле неосторожное интервью иностранному корреспонденту, неосторожное уже в том смысле, что из него было ясно, кто в сущности управляет Россией, а затем представил список кадетского министерства государю. Если бы кадеты вели себя сколько бы то ни было благоразумно, начиная хотя бы со времени первой Думы, то дело бы их выгорело. Они вступили бы во власть, но они наделали столько глупостей, что Столыпину было нетрудно свалить этот план и вместе с тем и Трепова.

Государь решил отделаться от Трепова и по обыкновению прибег к хитросплетениям. В эти хитросплетения несколько запутался сам государь, как иногда бывает с пауком, вяжущим паутину для мухи. Муха — Трепов все равно был бы уничтожен, но государю повезло. Трепов в это время умер естественною смертью. Он был политический и общественный невежда, но несомненно, что все, что он делал, было им сделано *de bonne foi*, и он был верноподданнейший и преданнейший слуга не только императора Николая II, но и Николая Александровича. Наверно, кто-нибудь из семейства Трепова оставит подробное описание, в каком трагическом положении находился этот честный и преданный Николаю Александровичу человек в последние недели до своей смерти*